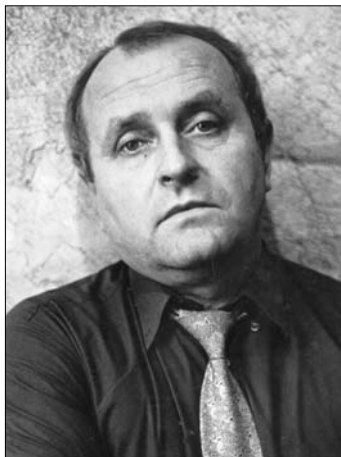

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

СВЯТАЯ

РАССКАЗ

Санаторий-профилакторий для инвалидов и ветеранов войны и труда находился в десяти километрах от районного городка, в густом сосновом бору. Большое трехэтажное кирпичное здание, выкрашенное в яркий оранжевый цвет, было огорожено чёрной металлической узорной оградой и окружено высокими стройными елями, острые макушки которых, казалось, упирались в низкое серое ноябрьское небо. Дождя не было, зато было сыро и студёно. Время приближалось к обеду, но в просторной, крытой голубым шифером беседке, обычно в это время многолюдной, сидели и беседовали две пожилые женщины, добротны и тепло одетые.

Антонина Никитична Торбина наблюдала за ними из окна своей палаты на втором этаже. Она то приближала лицо к стеклу и внимательно всматривалась в беседку, то, отпрянув, надолго задумывалась и печально вздыхала.

Подумать ей было о чём, ибо то, что она пережила за последние двое суток, было для неё мучительно страшным и в то же время интересным. Антонина Никитична для себя уже точно решила, что одна из сидевших в беседке женщин была Глафира Ивантеева, хотя и под другой фамилией, — Крутикова. Ещё позавчера утром, когда Антонина Никитична, умывшись в ванной комнате, приводила в порядок перед большим круглым зеркалом свои волосы, её словно током поразило: она услышала до боли знакомый женский голос. В коридоре, рядом с приоткрытой дверью в ванную комна-

ТАРАСОВ Александр Васильевич родился в 1952 году в городе Шебекино Белгородской области. Служил в армии, учился в Воронежском государственном университете, работал мелиоратором, пожарным, строителем. В настоящее время — сотрудник районной газеты “Красное знамя”. Автор книг прозы “Соседи”, “Никто не уходит навсегда” и книги стихов “Я молюсь за Россию”. Печатался в журналах “Наши современник”, “Звонница”, “Светоч”. Живёт в г. Шебекино.

ту, разговаривали две женщины, только что приехавшие в санаторий. В руках у них были полотенца. Проходя мимо них, Антонина Никитична прикрылась своим полотенцем. С этого момента и начались её муки. От боязни столкнуться нос к носу с вновь прибывшей Антонина Никитична стала ходить на процедуры и в столовую только после того, как убеждалась, что там нет Глафиры. А сегодня, сославшись на недомогание, она попросила медсестру принести ей завтрак в палату, где оставалась одна после того, как три дня назад, пройдя положенный курс, выехала из санатория Варвара Михайловна из Вейделёвки.

Антонине Никитичне три месяца назад стукнуло восемьдесят, но она была ещё крепкой — в мать, которая прожила девяносто шесть лет, и подвижной. На полном, чуть желтоватом лице её морщины были не очень глубоки и часты, и потому тот, кто не знал её близко, никогда бы не дал Антонине Никитичне её лет. А ведь жизнь она прожила не сахарную — такую, что и врагу не пожелаешь. Голод, война, потеря мужа, снова голод и работа, работа, работа от зари до зари, сначала за трудодни, а потом за жалкие гроши, на которые прожить было и одной-то душе невозможно, а если рядом ещё двое детей, то хоть ложись да помирай.

Всю свою жизнь Антонина Никитична перебывалась малым, отрывала от себя детям. Зато те, когда стали взрослыми, сначала в шутку, а потом всерьёз стали называть её святой. Особенно дочь Наталья, чуть что, так: “Мамочка, ты у нас святая!” Антонина Никитична отмахивалась от этих слов, а оставшись одна, плакала от счастья и радости, благодарила Бога, что он дал ей таких внимательных и ласковых детей.

Сын её, Василий, ещё с малолетства был рассудительным, всё, бывало, строгал да пилил дерево, и к четырнадцати годам мог, как взрослый рукодельный мужик, сделать по дому любую работу. Уже после войны он сначала ФЗУ окончил, потом техникум строительный, мастером работал, прорабом, начальником участка. Два года, как на пенсию проводили, а всё дома крупнопанельные строит.

Наташка — той всё бы петь да плясать. Пятьдесят пять годов скоро, а она в Белгороде во Дворце культуры на пианино играет, хором руководит. На выходной иной раз к Антонине Никитичне в гости вырвется, по дому чуть поможет и начинает приставать: “Мам, вспомни какую-нибудь бабушкину песню! Мам, давай дуэтом споём”. А у самой голос низкий, басовитый — дюже красивый. Сама Антонина Никитична, когда в девках ходила, соловьём заливалась, звонче, чем у неё, голоса по всему селу ни у кого не было. Песен разных знала прорву. Это потом они стали забываться, особенно в войну да от голода. Но кое-что и до сих пор помнится. Бывает, на пару с Натальей как заведут старинную какую-нибудь, аж у самих слёзы на глаза выступают. Две дурёхи — старая и молодая... Хотя какая Наталья теперь уже молодая? И у неё жизнь под закат идёт. А давно ли и она, и Васья не смыслёнными были? Давно ли из-за них Антонина Никитична большущий грех на душу взяла?.. И теперь за этот грех наказание ей.

Антонина Никитична ещё раз выглянула в окно, тяжело вздохнула и предалась воспоминаниям.

У родителей Антонины Никитичны было двенадцать душ детей, сама она была четвёртой. Её и замуж-то выпихнули на семнадцатом году из-за того, что отец Никита Кузьмич — колхозный конюх — тянулся из последних сил и не знал, как прокормить свою многочисленную ораву. Муж Антонине Никитичне попался хоть и строгий, но домовитый, не гуляка. Жили мирно и, если бы не война, добра бы нажили на зависть многим. Дни катились своим чередом, похожие друг на друга, как две капли воды, и если бы не случай, когда Антонина Никитична чуть в проруби на речке не утонула, из того времени и вспоминать бы нечего было.

А было дело так. Антонина Никитична и ещё три молодых бабы полоскали на Донце бельё в конце января, и как так получилось, она до сих пор сама себе объяснить не может, что поскользнулась она и юркнула вниз головой в прорубь. Ошалевшая от испуга и холода, она, тем не менее, сообразила, что в воде надо развернуться и оттолкнуться от дна ногами. Оттолкнись-

ся оттолкнулась, да ударилась головой об лёд — не попала в прорубь. И уже сознание начала терять, когда её вытащила наверх Маруся Ивантеева. Другие бабы испугались, а эта нет: легла ничком на лёд, полезла в воду, хотя потом простудилась и долго болела. У Маруси тогда была дочь Глаша восьми лет, и было это в 1938 году.

А потом война. Из сорока двух мобилизованных на неё мужиков в село в сорок пятом вернулись шестеро, но среди этих шестерых не было ни Марусино, ни Антонинино мужей — без вести пропали. Маруся, и без того не обладавшая большим здоровьем, в голодном сорок шестом не выдержала всего на неё свалившегося горя и на Святках умерла.

Оставшись совсем одна, Глаша решила наведаться в Белгород и узнать, есть ли там такая школа, где учат на модисток.

— Я слыхала, что до войны там была школа ОЗУ, где учили кройке и шитью, — объяснила она Антонине Никитичне.

— Что ж, сходи.

Думала Глаша обернуться дня за три-четыре и потому попросила Антонину Никитичну посмотреть за её хатой: время было лихое, людей, нечистых на руку, развелось, хоть пруд пруди, как говорится: что ни двор — то вор, а где два двора — там четыре вора.

— У меня особенного ничего и нету, кроме мамкиных почти новых платья и пальто, — сказала Глаша, — но это память о маме. Не дай Бог, уволяют — я с ума от горя сойду.

— Иди, иди, не волнуйся, — успокоила девочку Антонина Никитична, которая, как и Глаша, была уверена в том, что девочке надо уезжать из села, чтобы не пропасть с голоду и получить хоть какую-нибудь профессию.

Антонина Никитична и сама была на распутье, не знала, что ей делать дальше и как быть. Старый кислый свекольный жом, что оставался после того, как покормили корову, приходилось долго выпаривать, прежде чем печь из него лепешки, да и было-то его ведра два, ну, может, три, то есть дней на десять. А что потом? Голова шла кругом не только от голода, но и от мыслей. В селе уже начали пухнуть от недоедания и умирать. В том числе и дети. Неужто и детей Антонины Никитичны ждёт та же участь? И Антонина Никитична решилась: она сбила ночью обухом топора лёгонький замочек на двери Глашиной хаты, вынесла оттуда пальто и платье, а утром в Больше-троще обменяла их у богатого мужика на три ведра картошки и мешок комбикорма.

Вспоминать, что было потом, Антонине Никитичне неприятно и по сей день. Глаша нагрязнула в её дом в тот самый момент, когда дети сидели за столом и ужинали из маленького чугунка картошкой “в мундирах”, а сама она стряпала из отрубей и жома лепёшки. Антонина Никитична до того растерялась, что слова вымолвить не могла. Да слов и не нужно было говорить: Глаша, постояв у порога едва две минуты, молча ушла, тихонько прикрыв за собой дверь.

С тех пор Антонина Никитична её не видела — и вот... Ей до смерти не хотелось ехать домой, в Шебекино, в однокомнатную квартиру, которую купили ей дети семь лет назад, не хотелось встречаться с так надоевшими ей скандальными соседками, в основном пожилыми, о которых её сын как-то сказал, что они живут на белом свете назло друг другу, а не потому, что им жизнь в радость; не хотелось вообще уезжать из профилактория, где ей очень нравилось, не пробыв здесь и половины срока. Но надо! Жить здесь ещё двенадцать дней так, как она жила последние два, — на это никакого здоровья не хватит...

Антонина Никитична достала из-под подушки сотовый телефон.

Забрала её дочь в тот же день, вечером, как и просила Антонина Никитична. Когда они сели в серебристый “Вольво”, за рулём которого был зять, Антонина Никитична пристально посмотрела сквозь тонированное стекло на тёмные окна второго этажа профилактория, и ей показалось, что за одним из них злой усмешкой мелькнуло лицо Глафиры Николаевны Крутиковой.

ВНУЧОК

РАССКАЗ

— Мне-то что: я век свой, считай, уже отбегала, а он, супостат, ишшо только начинает жить на белом свете.

Старуха Махониха вытерла уголком старенького ситцевого, когда-то синего, а теперь выцветшего передника слезящиеся большие глаза и строго поглядела на худенького, цыганистого вида внука лет десяти, который сидел на деревянном шатком крыльчке и беззаботно ковырял в носу.

— Палец сломаешь, окаянная твоя душа! — Махониха достала из кармана передника чистую белую тряпицу и кинула её на коленки внуку: — Высморкайся! И иди уроки решай... Учительша давеча бранилась: не хоча, мол, идолова душа, ничего на занятиях думать, да ишшо балуется в придачу, не слухая... И откуда ты только навалился на мою голову?

Махониха в очередной раз промокнула слезящиеся глаза, съпнула жменю зерна курам и подошла ближе к ветхому, низенькому, щелястому забору из тёмных от времени, неровно струтанных досок, за которым стоял сосед её Кузьма Игнатьевич Плохой, которого на улице за глаза все называли не иначе, как Унтер. Был он высок, худ лицом, костляв, под длинным прямым носом у него лихо, кончиками кверху, топорщились седые усы. Однако глаза хитро и молодо сверкали из-под серой, выдавшей вида каракулевой шапки, а осанке, несмотря на почтенный его возраст, могли бы позавидовать и многие молодые.

Весна выдалась ранней, снег сошёл споро, и потому к концу апреля листва на деревьях радовала всё живое пахучей, свежей зеленью, кисти сирени кое-где начинали розоветь, и солнышко полыхало в девственно-нежной бирюзовой вышине чуть ли не по-летнему.

Старуха Махониха последнюю неделю бегала по двору без верхней тёплой одёжи, в лёгкой косынке, в кирзовых тапочках на босу ногу. А внук Алёшка, как только со школы являлся, разболокачивался до трусов, с улицы до темна в хату не заходил, а потому, и так от природы смуглый, он загорел так, что походил на чертёнка.

Зато Унтер “весну ещё не почувял”: в военных, шнурованных спереди сапогах и камуфляжной зимней форме, он к тому же ещё и был застёгнут на все пуговицы.

— Ремнём пороть его погуще надобно, тогда и будет толк, — изрёк он глубокомысленно густым басом. — Пороть!

— Дык разве я его, окаянного, не бузую каженный день? И рушником, бывая, по заднице дам, и за вухи трепая. С его как с гуся вода. И в кого такой удалец?

Тот, о ком говорили взрослые, продолжал моститься на прогретом солнышком крыльчке, но уже не навёл чистоту в носу, но пытался плевком попасть в чёрного как смоль петуха с маково цветущим буйным гребнем на маленькой головке. Петух, дабы не уронить перед бродившими здесь же зазнобами собственного авторитета, не полохался трусливо в сторону, но тревожно кокотал и искоса сверкал на лопухого лоботряса презрительным зрачком, словно спрашивая: “А всё ли у тебя в порядке с головой, юноша?”

В ответ малец вновь плюнул в пернатого красавца.

— Зачем хочета пугаешь, прирова душа? — закричала Махониха. — Он тебе что, мешая?

— Ремнём его выпороть, — загремело из-за забора. — Ремнём погуще.

— И в кого только такой бестолковый и неслухмённый, — печально и тихо, словно самой себе, вновь повторила Махониха и перекрестилась мелко: — Прости, Господи.

— В папку! — отрывисто и зло огрызнулся малец, выглядывая, как бы ловчее поразить слюной жертву.

— А ты хоть раз в жизни видел его, отца-то своего? Ты его знаешь? — Унтер хохотнул.

Махониха и внук промолчали.

— От заезжего молодца твоя мать тебя обубенила, от босяка и пьяницы. И сама спилась, нигде не работает, тебя бросила, в мусорных баках в Белгороде, люди сказывают, пропитание себе добывает и гардероб. И ты, видать, точно такая же рвань, как твои непутёвые родители. Пороть тебя каждый день надобно, как сидорову козу, ремнём.

Что хотела сказать в ответ соседу Махониха, можно только догадываться, но едва она открыла рот, как внук взъерошенным воробьём слетел с крыльца, схватил горсть старой кирпичной щёбёнки и швырнул ею в Унтера. Бросок получился метким, о чём и возвестили вопль и целая тирада из матерных слов любителя пороть ремнём чужих внуков.

Ничего не понявшая старуха стояла как вкопанная и закрывала одной рукой рот. Из оцепенения её вывел Унтер. Сплёвывая с разбитой губы кровавую пену, он выламывал доску, пытался пролезть в чужой двор.

— Убью, тварь, — вопил Унтер.

— Попробуй! — мальчишка набрал в обе руки щёбёнки и не двигался с места. По щекам его бежали слёзы.

Махониха метнулась в сараюшку и выскочила оттуда с вилами.

— Ты кого это собрался драть, тварь неумытая? — закричала она не своим голосом. — Дитёнка-сироту убить хочешь?

Махониха неумело мотыляла вилами перед физиономией пытавшегося прodrаться сквозь дыру в забор Унтера и неожиданно, как несколько минут назад внук в петуха, плюнула в него.

Внук встал рядом с бабушкой, слёзы из его глаз бежали ручьями, он их размазывал по лицу грязными кулаками и в любое мгновение готов был броситься в бой с ненавистным врагом, защитить бабушку, чего бы это ему ни стоило.

Помощь, как часто бывает в подобных случаях, пришла оттуда, откуда трудно было предположить: висевший на большом ржавом гвозде в заборе большой лом, завернутый в верхней своей части калачом, упал на ногу Унтеру так, что тот взвыл от боли, дёрнулся назад, сел на землю и сразу начал разуваться. На шум во дворе из дома вышла жена Унтера...

Поздно вечером, когда пили чай с баранками и обсуждали в сотый, наверное, уже раз то, что произошло днём, внук вдруг потупился и заплакал.

— Ты чего это? — всполошилась старуха.

— Бабуль, я... Ты меня прости. Я буду стараться... Буду хорошо учиться. Я не буду никогда-никогда тебя расстраивать...

— Вот и ладно, золотко, вот и хорошо.

Махониха гладила дрожащей рукой внучонка по стриженому затылку и заливалась слезами вместе с ним.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

РАССКАЗ

Над серым меловым холмом, покрытым на склоне белыми пятнами снега, чуть в стороне от темневших крышами дач и фруктовых деревьев медленно кружился ворон. Он то падал камнем вниз и почти касался земли, то поднимался ввысь и, словно демон, медленно парил в тёмном, суровом небе.

Ларин долго и внимательно следил за его полетом и всё не мог взять в толк, что такого интересного высматривает хищная птица, пока сам не узрел, как с вершины холма кубарем вниз покотился живой клубок.

— Заяц! — догадался Ларин и поспешил на выручку ушастому: засунул в рот четыре пальца, пронзительно и громко засвистел.

Заяц присел, а ворон резко взмыл вверх и улетел за дальние дачи. Скрылся за ближайшим строением и заяц.

От нечего делать Ларин решил подняться к месту недавних событий и медленно начал карабкаться вверх, стараясь обходить снежные лоскуты. Поднимался долго и, как оказалось, зря: ничего полезного на вершине холма он не нашел. Прислонившись к высокой толстой сосне и укрываясь от ветра, Ларин закурил и стал смотреть на прикрытую лёгкой дымкой панораму раскинувшегося за рекой города. Но его внимание вновь отвлек ворон.

Этот наглый обжора теперь обнаружил буквально в ста шагах от Ларина другого лопоухого бедолагу, схоронившегося в небольшой ямке под кустом, сделал круг над ним и сел поодаль, метрах в десяти. Косой спал так крепко, что никакой шум не в силах был его разбудить. Ворон наверняка понял, что имеет дело с беспечным, никем ещё не драным зверем, подскочил к нему бочком и со всей мочи ударил в спину. С перепугу и от резкой боли серый мгновенно сиганул чуть ли не на метр вверх и в сторону и вновь присел. Пользуясь случаем, ворон вновь налетел на лопоухого и начал бить его куда ни попадя, вырывая при этом клочья шерсти. Заяц заверещал и, выпустив когти, попытался отбиться лапами, но это ему плохо удавалось. Ларин, сам бывалый охотник, знал, что в таких случаях хищник старается попасть клювом в глаз своей жертве и ослепить её, чтобы потом было легче с ней расправиться.

Заяц отбивался из последних сил, но ворону вновь помешал Ларин своим свистом и криками.

Хищник взмыл вверх и убрался восвояси. Помешкав секунду, драпанул в сторону дачных садов и длинноухий любитель сладко поспать.

— Две заячьи жизни за каких-то полчаса спас, — подумал про себя Ларин и грустно усмехнулся.

У него сегодня был плохой день. Несмотря на то, что первый день нового года. Но это был день поминовения Серёги и Валерки, которые ровно десять лет назад погибли в Грозном на центральной площади у дворца президента. Они были морскими пехотинцами.

Игорь Ларин, Сергей Максимов и Валерий Троянов жили в одном дворе и учились сначала в одном классе, а потом — в автотранспортном техникуме. Все трое высокие и сильные, они серьёзно занимались баскетболом и боксом. Заводилой в компании был Ларин: на гитаре играл, стихи сочинял, язык подвешен хорошо. Да ещё и характер жёсткий и непреклонный. Серёга с Валеркой были попроще, особенно Валерка — рубаха-парень и сама наивность. Жили, что называется, не тужили и поклялись однажды в будущем так же держать друг за друга, как бы кто куда высоко ни взлетел.

Вспоминая юношеские годы и тогдашнее свое состояние души и понимание жизни, Ларин потом удивлялся, как матери удалось убедить его предать своих друзей. Нет, мать, конечно, ни в чём не виновата. Она и не думала тогда ни о каком предательстве. Мать есть мать: для неё главным было оградить сына от беды, которую она предчувствовала и видела. Тогда она просто не могла поступить иначе, или была бы не мать. Она и родителей Серёги и Валерки уговаривала поступить так же, как она. И они соглашались. Соглашались, но ничего не могли сделать со своими упрямыми сыновьями: те твёрдо стояли на своём и были непреклонны в своём решении. Ларин тоже долго держал оборону. Ему даже отца удалось убедить в правильности своего выбора, но мама не признавала никаких доводов и аргументов в пользу службы в армии.

— На верную смерть я тебя не пушу. Только через мой труп, — говорила она и сделала всё возможное, чтобы её сын в армию не пошёл. Она договаривалась с врачами, и те нашли у Ларина какую-то болячку, из-за которой ему якобы обязательно должна быть предоставлена отсрочка, потом сунули взятку кому-то из военкоматовских ханыг, и Ларина вообще признали годным к нестроевой. Ларина, у которого был первый взрослый разряд по боксу во втором полутяжелом весе и такой же разряд по баскетболу!

Валеркины и Серёгины родители тоже давили на них, как могли. Серёгина мать провернула практически такую же операцию, что и мать Ларина, и с врачами, и с военкомовскими чинами, однако Валерка такой шум в военкомате поднял, что его тут же вместе с Серёгой и “забрили”.

Ларин на радость матери остался дома.

Через год Валерка и Серёга сгинули в Чечне, в самом центре Грозного. Их тела, как и тела сотен других мотострелков, танкистов и морпехов, так и не нашли. Наверняка они все сгорели. Кстати, первое января — день рождения тогдашнего министра обороны. Сволочь, подарок себе хотел сделать! Перед алкашом Президентом выкобенивался. Сколько жизней молодых понапрасну загубил! Сколько горя отцам и матерям принесли!

Ларин чем старше становился, тем глубже переживал своё предательство детской дружбы, свою вину перед Серёгой и Валеркой. Многие такие поступки называют умением жить, но Ларин давно и чётко определил это как предательство, а потому считал, что нечего искать какие-то оправдательные моменты и выгораживать себя.

В сущности, под любой неблагоприятный поступок можно подвести оправдательную базу. Но Ларин теперь был честен перед самим собой, и прятать голову в песок ему было ни к чему. В жизни за всё надо платить, как сказано в Библии, есть “время разбрасывать камни и время собирать их”.

Ларин в последнее время стал часто в Библию заглядывать. Особенно после смерти мамы в автокатастрофе. Видимо, настало время каяться в своих грехах. Жизнь сейчас, словно тот ворон, что на зайцев охотится: клюет Ларина — аж шерсть с него летит, и всё в глаза клонуть норовит. Вот ведь как: не успел Ларин опомниться после неожиданной смерти мамы, как на работе неприятности начались: обещали назначить завучем в школе, но что-то там *не срослось* у директора с начальником управления образования, и завучем назначили химичку. Две недели назад жена ушла: забрала двухлетнюю дочь Наташу и ушла. По её глубокому убеждению, Ларин — типичный неудачник, и жить с ним — только время терять и нервы портить. Возможно, она по-своему и права. Женщине ведь что нужно: внимание и хорошая зарплата мужа. вниманием Лиза обделена, конечно, не была, а вот насчёт денег... Какие у школьного учителя могут быть доходы?

Так и живёт теперь Ларин в трехкомнатной квартире вдвоём с отцом. Воистину, кряхтя живёт: ночь во сне, день во зле. А что впереди? Как говорила покойная бабушка: будем тянуть лямку, пока не выкопают ямку. А ведь Ларину всего три десятка лет от роду! Всё чаще вспоминаются ему слова Екклесиаста: “И возненавидел я жизнь: потому, что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем, ибо — все суета и томление духа!” И ещё Екклесиаст говорил, “...что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем”.

Прав праведник! Тысячу раз прав. И абсолютно не прав Лев Толстой, который утверждал, что возненавидеть жизнь можно только вследствие апатии и лени.

А как же тогда насчёт судьбы, против которой не попрёшь? Конечно, в какой-то степени мы можем повлиять на свою судьбу. Но только немножко, а в основном как на небесах задумано — так и будет. Из собственных штанов ещё никто не выпрыгивал.

А вот интересно, кому в жизни больше повезло: ему, Ларину, или Серёге с Валеркой? Ведь кто бы там чего ни говорил о справедливой и несправедливой войне в Чечне, но и Серёжка, и Валерка погибли, как и полагаются мужчинам — на поле брани. Им вечный покой, Царствие Небесное и добрая память родных и близких. Ларин, как заяц от ворона, пытался убежать от войны, вроде бы и удалось, зато теперь его медленно, но верно убивает быт. И если дело и дальше так пойдёт, то можно не сомневаться: конец близок. Не зря же единственным спасением от всей бытовой скверны стала для него бутылка водки.

Ларин чувствует: привыкать уже к зелью начал. И отец его после смерти жены беспробудно пьёт. В последнее время каждый вечер на пару “квасят”. Надолго ли такой жизни и здоровья хватит? Нервы и так уже ни к чёрту...

Ветер усиливался, и Ларин стал зябнуть. Закружил сначала мелкий, редкий снежок, а потом повалил хлопьями. Ларин достал из кармана стёганной болоньевой куртки четвертинку водки, медленно отвинтил крышечку и тремя судорожными глотками опорожнил её на помин души Сергея Максимова и Валерия Троянова. Постоял немного, отдышался, поставил пустую посудину возле сосны и стал медленно спускаться с холма к реке.